

УДК 070.23(1-37)(09)

С. А. Козлов

УЕЗДНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «НОВГОРОДСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1860–1870-е гг.)

Статья посвящена публикациям уездных корреспондентов в «Новгородских губернских ведомостях», в период Великих реформ 1860–1870-х гг. Рассматриваются основные темы и жанрово-стилистическое своеобразие текстов, их место в официальной программе анализируемого издания.

Ключевые слова: «Новгородские губернские ведомости»; корреспонденция; реформы; жанры; уезды.

Губернские ведомости как тип официальной периодической печати (30-е гг. XIX в. — начало XX в.) обнаружили ряд особенностей, потребовавших рассмотреть издание с учетом региональных аспектов. Этим обусловлено появление большого количества исследований губернских ведомостей, посвященных функционированию издания в конкретном регионе. Они уточняют и дополняют общие исследования по истории провинциальной печати в дореволюционной России.

Некоторые исследователи анализируют официальный орган печати в качестве одного из элементов системы местной периодики (Г. В. Антюхин [1], Х. С. Булацев [2], Л. П. Бурмистрова [3], А. А. Вахрушев [4], Е. В. Курбакова [6], Л. С. Любимов [8]). Другие же рассматривают различные аспекты функционирования губернских ведомостей (О. И. Лепилкина [7], Ю. Л. Мандрика [9]). При этом большой научный интерес представляет анализ жанрово-стилистических аспектов публикуемых на страницах губернского официального издания материалов.

На протяжении 1840-х — первой половины 1870-х гг. «Новгородские губернские ведомости» являлись единственным местным печатным органом. В течение многих лет политика редакции заключалась в освещении достаточно узкого круга тем, определяемых официальной программой, правительственными указами и личностью самого редактора. В разные периоды могла преобладать та или иная тема. Так, в 1840-е гг. были популярны статьи на исторические темы, в 1850–1860-е гг. заметно преобладали рецензии на театральные постановки и размышления редактора об общественной жизни Новгорода.

Авторами большинства текстов (за исключением перепечаток из других изданий) были редактор, сотрудники Статистического комитета или историки, этнографы. Редко «Новгородские губернские ведомости» размещали статьи уездных помещиков, которые по преимуществу касались тем сельского хозяйства. Связано это было с различными причинами. Во-первых, с жестким

КОЗЛОВ Сергей Александрович — соискатель степени кандидата филологических наук кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: blackgrifon@bk.ru).

цензурным контролем, которому подлежали провинциальные издания [5]; во-вторых, низкой активностью потенциальных корреспондентов, что подтверждают неоднократные обращения от редакции с призывом присылать статьи для публикации. Практически каждый редактор, сделавший заметный вклад в развитие издания, считал своим долгом выступить с подобным обращением к читателям [10, 9 нояб.; 11, 19 дек.; 12, 7 дек.; 13, 26 дек.; 14, 19 февр.; 22, 1 янв.].

Благодаря официальной системе губернских ведомостей и возможности подписаться на любое локализованное издание, редактор мог составлять местные выпуски из перепечаток. Так, Н. Ф. Павлинский (редактор, 1865–1867) использовал публикации из ведомостей других губерний и официальных изданий, где так или иначе упоминались Новгород и уезды Новгородской губернии.

Эту ситуацию изменила эпоха Великих реформ Александра II, которая во многом определила новый тип общественной сознательности, активизировала общественные силы, открыла новые пути для печатного слова. Губернские ведомости послужили площадкой для публикации официальных документов о работе различных обществ. Земская реформа дала изданию возможность печатать обширные отчеты о деятельности губернских земств. По указу от 20 ноября 1864 г. губернским ведомостям разрешалось публиковать стенограммы судебных заседаний (ничего не изменяя в приговоре), подробные отчеты с публичных заседаний [23, 64–65].

Несмотря на то, что реформы стимулировали осмысление новых общественных процессов, редакция «Новгородских губернских ведомостей» продолжала поддерживать сформировавшийся за десятилетия круг тем. В 1866 г. Н. Ф. Павлинский писал: «Редакция неофициальной части Новгородских губернских ведомостей покорнейше просит всех более или менее образованных лиц в губернии, светских и духовных, сообщением редакции сведений, входящих в объем указанной программы, содействовать изучению родного края, возможное ознакомление с которым, могущее иметь значение и для науки, составляет, конечно, одну из главных целей при издании Губернских ведомостей» [14, 19 февр.].

Как отклик на обращение редакции приведем заголовки некоторых статей, свидетельствующие о тематическом разнообразии «Новгородских губернских ведомостей» во второй половине 1860-х — начале 1870-х гг.: «Несколько слов о монастырской жизни» [16, 27 июля], «Заметки из деревни о народном пьянстве и мерах против него» [Там же, 2 нояб.], «Медицинские заметки, необходимые для нашего простонародья относительно воспитания детей» [17, 11 янв., 18 янв.], «Святочный вечер в Оглобине, Тихвинского уезда (Очерк деревенских нравов)» [Там же, 8 марта], «О мерах к улучшению сельского хозяйства и распространения грамотности в среде крестьян Новгородской губернии, Устюжского уезда» [20, 30 нояб.]. В крупных уездах в это время появились корреспонденты, которые сообщали в редакцию различные сведения: кто-то поднимал вопросы народного образования и гигиены, кто-то старался зафиксировать местные обычаи.

Предпочтения редакции высказывались открыто. М. А. Селигерский (редактор, 1866–1886) предложил расширить пункты программы: «Насколько нравственны отношения молодых людей обоего пола, причины. Как смотрят на брак, какую роль играет непорочность невесты, и наоборот, — как смотрят на это родители брачующихся; нет ли каких суеверных обрядностей при свадьбах и искоренимы ли они», «нет ли где противных православию сект, если есть, то какие и в чем состоит уклонение их от православия. <...> В некоторых Губернских ведомостях начинают пописывать о староверах, не мешало бы у нас кому следует заняться для пользы Церкви и Государства этим предметом; к сожалению имея такой обильный материал под рукой» [15, 25 нояб.] и прочее, касающееся быта местного населения.

Ответ на это обращение можно обнаружить в сообщении из Валдайского уезда. Обращаясь к быту и обычаям кореляков (малая народность переселенцев из нынешней Карелии), проживающих в этой местности, Ар. Георгиевский доносил до начальства, что «понятия религиозные также очень слабы. В церковь кореляки хотя и ходят по праздникам, но, не имея понятия о службе, ведут себя в ней не так, как следует». Редактор сохранил в этой корреспонденции некоторые пикантные подробности: «В обращении молодых особ обоего пола невидимо строгой нравственности. Молодые парни без всякого стеснения обращаются с девицами, — распоряжаются ими как своими собственными вещами, — не стесняются в присутствии их употреблять неприличные, оскорбительные для нравственности слова, — ходят вместе в баню [не пускаясь в ханжество, Селигерский в сноске подтвердил: «Что во многих деревнях ходят, как мужчины, так и женщины вместе в баню, это истина. *Ред.*». — С. К.] и, как говорят, друг друга моют» [17, 15 февр.].

Из Старой Руссы корреспондент С-в докладывал: «В нашем Староусском уезде находится весьма много раскольников и почти исключительно беспоповцев, следующих так называемому “федосьевскому толку”. В ином приходе более чем на половину пред православными» [Там же, 21 июня]. Позднее, когда в 1875 г. возникли «Новгородские епархиальные ведомости», религиозную тему полностью разрабатывало это официальное церковное издание. Но уже на примере губернских ведомостей заметно, что эта тематика волновала и местную интеллигенцию, которая писала подобные корреспонденции в официальное губернское издание. Правда, цель таких корреспонденций не до конца прояснена: с одной стороны, возможно, предполагалось искоренять на территории губернии иноверие, с другой — подобные статьи складывались в «копилку» этнографических очерков и заменяли для читателей литературные произведения, фельетоны.

К концу 1860-х гг. уездная интеллигенция Новгородской губернии имела достаточный потенциал, чтобы быстро и полноценно отзываться на призывы редакции. Губернские ведомости постепенно насыщались широким проблемным содержанием.

Наряду с городским патерналистским отношением к нуждам крестьянства, укорами в общественной инертности, свойственными политике редакции, появилось особое мнение, свойственное уездной журналистике, которая

заговорила о проблемах и заботах людей, проживающих в местах, далеко расположенных от губернского центра. Корреспонденты выявляли болевые точки земляков и спешили сообщить об этом в редакцию. Часто это облекалось в эмоциональные формы жалобы или гневного обличения. Авторы считали своим долгом встать на защиту общественно полезного дела и изменить ситуацию к лучшему.

Ив. Альбов безоценочно, с позиций этнографа, описывал полунищенский быт устюжнских крестьян и представителей внесловных маргинальных образований [17, 8 февр.], а Иван Лавров сообщал: «Не от того ли эта бедность, предполагаете вы, что Устюжна и ее окрестности не имеют ничего такого, что могло бы дать мещанам безобидный кусок хлеба? Нет, читатель, этого нельзя сказать. Кто хоть сколько-нибудь знаком с Устюжной, тот вполне согласится с нами, что для устюжнских мещан есть очень немало средств к безбедному существованию» [Там же, 18 янв.]. Корреспондент подробно описывал возможные средства заработка, имевшиеся в то время в Устюжне.

Публицистический пафос был уже хорошо известен читателям «Новгородских губернских ведомостей». Риторические вопросы и прямое обращение к читателю, юмористические интонации были присущи редактору И. В. Вишневному, активно писавшему в начале 1860-х гг. Подобные приемы подхватили и уездные корреспонденты: «А что, читатель, приятна или нет вам такая картина нашего хозяйничанья и распоряденья лесными материалами? Но видим, что вы уже хмуритесь и сморщили свое чело, прежде чем дать ответ на это скромный вопрос, — ответим же за вас: не совсем приятна, — впечатление от ней не выгодное и грустное» [Там же, 19 июля].

Вдохновленный «гласностью», объявленной на уровне государства, автор статьи А. К-ский представил себя столичным газетным фельетонистом и пытался подобрать самые сильные, на его взгляд, средства выразительности: «Многие помещики, лишившись в своих крестьянах даровых рабочих рук, усердно принялись за истощение своих лесных дач, и вот пошел хрустеть и валиться с треском под жилистой рукой свободного уже мужичка заповедный лес боярский; заслышали звери этот треск и шум и стали куда-то скрываться; прилетели птички на места обсиженных гнездышек, увы, гнездышки погибли вместе с вековыми деревьями, на которых они были свиты и вот ныне редко где у нас услышишь того певца Авроры,

Что на тысячи ладов тянул, переливался» [Там же].

Сказово-песенные присказки, цитирование поэзии — все это признаки сатирического фельетона. В приведенном отрывке из статьи обнаруживается и критика крестьянской реформы. При этом она выражена достаточно сложно и витиевато. С одной стороны, автор выказал сочувствие крестьянам, с другой — красочно описал, как они вырубают проданный им помещиками «заповедный лес боярский». То есть эта проблема является следствием не столько политического или экономического, сколько нравственного характера.

Представление о публицистике как творчестве с личностной гражданской позицией составляло основу уездной журналистики этого периода, получая в текстах несколько наивное и бойкое выражение. Авторы призывали к актив-

ным действиям тех, от кого зависело исправление общественных зол. Оставшийся неизвестным корреспондент писал: «Есть у нас множество различных обществ, для уничтожения и предупреждения различных зол; отчего бы не составиться товариществу для предупреждения такого зла, как бессмысленное уничтожение лесов, и следующих за тем бедствий небогатого люда?..

А не ближе ли всего позаботиться об этом земской управе?» [18, 27 *февр.*]. Одной из самых популярных тем становится тема, связанная с народным образованием. С-в из Старой Руссы представил проблему в виде очерка-диалога «Толки о грамотности в одном селе Старорусского уезда». Мужики решают, стоит ли открывать народное училище и отдавать учиться детей. «Училище в том селе так тогда и не было открыто», — резюмирует автор [19, 30 *дек.*].

Напротив, в селе Медведь неизвестный корреспондент отметил более благоприятную ситуацию. Там «после двухлетнего существования земской школы открылось двуклассное училище». Автор выражает «полную благодарность местному купечеству. Не прими оно этого дела близко к сердцу, училище никогда не осуществилось бы» [20, 2 *марта*]. В отличие от старорусского собрата по перу, корреспондент из Медведя не упражняется в литературных приемах, а прямо высказывается о проблеме: «Крестьяне, за все берущиеся не вдруг и смотрящие на все, устраивающееся для них, подозрительно, когда увидят пользу училища, то в полной уверенности вознаградят вдруг свою холодность к школе и ухватятся за нее обеими руками. А время это, надо полагать, близко! Дай Бог, чтобы оно настало скорее!» [Там же].

Пореформенная эпоха вскрыла ряд противоречий, мешавших росту благосостояния крестьянского сословия. В этом контексте восклицания о недоверчивости крестьян к устройению учебных заведений представляются не более чем риторическими фигурами и обнаруживают в определенной степени незрелость журналистики этого времени. Корреспонденты, выражавшие свои сожаления в письмах в редакцию, сами принадлежали к той части интеллигенции, которая в духе примитивно понятого народничества пыталась с отеческим благодушием навязать чуждые крестьянству духовные и образовательные идеалы, не принимая во внимание условия жизни опекаемого сословия.

Заботу о сельском населении в рамках гласности выражал и корреспондент П. А. Дамаскин. Принадлежность его к какому-либо конкретному уезду определить сложно, так как его статьи рассказывают о местах, достаточно удаленных друг от друга. Например, он оставил образное, эмоциональное описание одного из бедствий на Валдае — нападения волчьих стай. Для сообщения автор подобрал эффектные сцены: буквально напугав читателей «волчьими концертами», составленными из «даже нескольких десятков голов», он представил себя в качестве очевидца, а также сослался на слова пострадавших жителей. Местные жители в этой статье такие же, как и в большинстве публикаций уездных корреспондентов, т. е. инертные и беспомощные: «Так как наше сельское население еще не привыкло заботиться о себе и своих интересах, а, напротив, привыкло пользоваться готовым, т. е. тем, что предоставляет ему благодетельное правительство, то и в этом случае одна надежда на него» [21, 14 *января*]. Достаточно

объемная статья содержит в основном популяризованные статистические сведения о природе губернии, но в итоге преследует цель обратить внимание властей на проблему и оказать помощь сельскому населению.

Уничжительно-патерналистские интонации Дамаскина проявились несколькими годами раньше, в 1873 г., когда автор высказался об образовании крестьян в Устюжском уезде. «Неужели нам везде и всегда нужны указы и приказания; или мы уже так привыкли искать приемов на дальнем западе, что без них не смеем сделать и шагу. Не все брать в пример Францию и Германию, есть на свете и в других государствах много хорошего, что можно перенять и нам, если уж мы не можем обойтись без перениманья», — пишет он об организации передвижных школ [20, 30 нояб.]. Ранее такой широкий размах публицистического высказывания, граничащего с политикой, не получил бы одобрения редактора. Но учитывая лояльность автора к начальству и правительству, к которому он обращается за помощью, подобная публикация кажется сознательным шагом, свидетельствующим о склонности корреспондента к анализу общественных проблем. Возможность высказаться, сообщить в губернскую газету о важных и проблемных с точки зрения корреспондента явлениях предполагала и право быть услышанным. Это должно было изменить неблагоприятную ситуацию.

Пример совершенно иного мышления можно обнаружить в № 26 за 1869 г. Некто А. Г. (возможно, также один из постоянных корреспондентов того времени Ар. Георгиевский) в этнографическом очерке описывает картину сбора податей. Несмотря на преобладание литературного стиля, место действия определено конкретно — Боровичский уезд, Рядовская волость. Стиль и глубокая ознакомленность А. Г. с особенностями крестьянского трудового быта позволяют видеть в авторе человека высокообразованного, вероятнее всего, из бывших помещиков. А суть и пафос статьи совершенно резко отличаются от настроения других публикаций издания. «Каждому, думается, сколько-нибудь знакомому с жизнью нашего простого народа, известно, какой переворот произошел в быте крестьян по выходе из крепостной зависимости», — начинает корреспондент. И далее с сочувствием рассказывает о жителях, которые со страхом ждут приезда сборщика податей, отмечая, что «при малом наделе земли, особенно где земля не очень удобна к произведению хороших урожаев и где она требует от крестьянина особенных трудов, явилась значительная бедность». «При таком оскудении материальных средств к жизни крестьяне должны платить различные подати, — подводит итог А. Г., — обязаны давать деньги на содержание сельских правлений и служащих при них писцов, сельских голов и на содержание училища. Кроме того, при круговой поруке, платить подати за соседей» [17, 28 июня]. В основном авторы видели причины неблагополучия крестьян в недостатке образованности или нравственности. А в этом частном случае косвенным образом подвергалась сомнению продуктивность реформ. Автор статьи на примере одной волости хотел показать неблагополучие «простого народа», вызванное несовершенством новых законов. Однако прямой критике правительство он не подвергал. В статье нет ключевых слов «закон», «правительство», «начальство» и пр.

Как подобный текст мог попасть на страницы официального издания? Учитывая отсутствие полемичности, обличающего пафоса и мягкость интонаций автора, статья действительно могла быть воспринята редактором как этнографический очерк. К тому же текст мог вполне затеряться среди озорных, но безобидных сообщений других уездных корреспондентов, присылаемых в редакцию, так как на 1869 г. приходился пик публикаций этнографических очерков из уездов. Статья А. Г. является частным случаем, но может служить иллюстрацией того, что журналистские исследования в Новгородской губернии отличались разнообразием и в определенной степени свидетельствовали о высокой сознательности образованных жителей губернии.

Но уже вторая половина 1870-х гг. была отмечена постепенным снижением количества публикаций с критикой общественно-экономической ситуации в уездах. Критика бездействия или недостаточной деятельности земских учреждений создавала ощущение массового неблагополучия в регионе, она обнажала не только проблемы, связанные с нравственным, духовным, бытовым, экономическим и т. п. положением крестьян и обывателей уездных городов, но и явные злоупотребления помещиков и промышленников. В то же время именно помещики и промышленники выделяли большие средства на благотворительность и являлись финансовой опорой губернии.

Это нарушало традиции издания представлять губернию как благополучную местность, с великим историческим прошлым, местным культурным потенциалом и развивающимся сельским хозяйством. А потому критичность в текстах уездных корреспондентов стала снижаться. Михаил Селигерский, находясь на посту редактора «Новгородских губернских ведомостей», не отступал от намерений привести издание в соответствие с изначальными принципами и способствовать формированию благоприятного образа губернии.

Уездная корреспонденция «Новгородских губернских ведомостей» 1860–1870-х гг. возникла как закономерное явление. Предыдущий опыт деятельности издания, в частности регулярные призывы редакции к сотрудничеству, подготовил авторов из среды подписчиков.

Выгодное расположение Новгорода между Санкт-Петербургом и Москвой позволяло получать новинки столичной периодики, что также формировало вкусы и слог корреспондентов местных ведомостей. Сами реформы этих лет стали катализатором, побудившим провинциальную интеллигенцию фиксировать и анализировать общественную ситуацию, видеть в публикациях возможность влияния на нее и исправления негативных тенденций. Уездные корреспонденции в «Новгородских губернских ведомостях» стали примером развития публицистичности на страницах официального издания [24, 344–352].

1. Антюхин Г. В. Печатное слово России: История журналистики Черноземного центра страны XIX в. Воронеж, 1993. 224 с.

2. *Булацев Х. С.* Пионеры провинциальной печати: (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981. 142 с.
3. *Бурмистрова Л. П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей. Казань, 1985. 140 с.
4. *Вахрушев А. А.* Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начала XX в.). Ижевск, 1994. 109 с.
5. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.
6. *Курбакова Е. В.* История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н. Новгород, 2008. 375 с.
7. *Лепилкина О. И.* Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестн. Ставропольск. гос. ун-та. 2005. № 41. С. 175–183.
8. *Любимов Л. С.* История сибирской печати. Иркутск, 1982. 79 с.
9. *Мандрика Ю. Л.* Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: (На материале «Тобольских губернских ведомостей») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 159 с.
10. Новгородские губернские ведомости. 1840.
11. Там же. 1853.
12. Там же. 1863.
13. Там же. 1864.
14. Там же. 1866.
15. Там же. 1867.
16. Там же. 1868.
17. Там же. 1869.
18. Там же. 1871.
19. Там же. 1872.
20. Там же. 1873.
21. Там же. 1875.
22. Там же. 1895.
23. Свод законов Российской империи / [Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг]; под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Кн. 1.
24. *Семенова А. Л.* Официальность и публицистичность на страницах новгородской дореволюционной периодики // 1150 лет российской государственности и культуры : материалы к общ. собр. РАН, посвящ. Году рос. истории, Москва, 18 дек. 2012 г. / отв. ред. А. П. Дервянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков ; сост. В. Б. Перхавко ; ОИФН РАН. М., 2012.

Статья поступила в редакцию 10.12.2013 г.